

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Исследования по славянской
диалектологии**

24

Москва • 2023

УДК 811.16
ББК 81.41
И 88

Авторы:

*М. М. Алексеева, Н. Е. Ананьева, С. А. Борисов, И. А. Букринская,
Ж. Ж. Варбот, А. Д. Васюков, И. А. Горбушина, П. И. Долгополов,
С. В. Дьяченко, А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, Н. И. Киреев,
С. В. Князев, М. М. Кондратенко, С. А. Мызников, С. Л. Николаев,
Г. П. Пилипенко, Биляна М. Савич, М. Н. Саенко, С. С. Скорвид,
М. Н. Толстая, Дияна М. Црняк, Т. В. Шалаева*

Редколлегия:

*д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. М. М. Алексеева, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко*

Рецензенты:

к.ф.н. И. И. Исаев, к.ф.н. М. М. Валенцова

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 24. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2023. – 292 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 24) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXIII Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 7–8 июня 2022 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXIV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 7–8th, 2022 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists—specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISBN 978-5-7576-0493-0
ISSN 2618-8589

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2023.24 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2023

Содержание

<i>М. Н. Саенко.</i> Праславянские «редуцированные» и гласные <i>и</i> и <i>і</i> в словенском говоре Валбурги: некоторые параллели.....	5
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Об одном балто-славянском лексическом соответствии ..	40
<i>А. Ф. Журавлёв.</i> Восточнославянские этимологии (3. Укр. диал. <i>батіюта</i> . 4. Русск. <i>барахло</i> . 5. Укр. диал. <i>рахо́м'їе</i> , белорус. диал. <i>рахамо́цье</i>)	43
<i>П. И. Долгополов, Н. И. Киреев.</i> Праславянское * <i>goľь</i> в зеркале некоторых дериватов	51
<i>М. М. Кондратенко.</i> Заимствования в славянских народных обозначениях времени	76
<i>А. Д. Васюков.</i> Литературный стандарт и диалекты: реакции этнических кашубов на процесс языковой кодификации	88
<i>С. С. Скорвид.</i> О международном проекте по созданию интернет-карты чешских говоров за пределами ЧР.....	101
<i>Н. Е. Ананьева.</i> YouTube как дополнительный источник изучения периферийных и островных польских говоров	122
<i>Диана М. Црняк, Биляна М. Савич.</i> Из синтаксиса глаголов в речи жителей района Слатины близ Баня-Луки	132
<i>М. М. Алексева.</i> Детский лексикон в карпатоукраинских говорах	152
<i>Т. В. Шалаева.</i> О суффиксе существительных <i>-ой-</i> в русских диалектах ...	173
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Среднерусские говоры: сравнительное описание центра и периферии	181
<i>С. А. Мызников.</i> Некоторые аспекты изучения русских говоров Приладожья и Обонежья	194
<i>С. В. Князев, С. В. Дьяченко.</i> Тональный контур общего вопроса в белозерских говорах	205

<i>И. А. Горбушина. Отражение межъязыковых контактов в диалектизмах (на примере рус. диал. бутор)</i>	<i>229</i>
<i>Г. П. Пилипенко, С. А. Борисов. Тексты на украинском и чешском языках из Воеводины (Сербия)</i>	<i>236</i>
<i>С. Л. Николаев, М. Н. Толстая. Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая. 2. Традиционная культура</i>	<i>246</i>

*С. А. Мызников
(Москва)*

Некоторые аспекты изучения русских говоров Приладожья и Обонежья¹

В статье предлагается экскурс в изучение русских говоров Обонежья и Приладожья, представленный в подготовленной книге «Русские говоры Обонежья и Приладожья в контексте этнолингвистических контактов: тексты, словарь, атлас». Работа является результатом исследования диалектов региона в полевых условиях на протяжении более двадцати лет. География исследования сосредоточена в пределах бывших Олонецкой, Новгородской, Петроградской губерний, в настоящее время это регионы Ленинградской, Вологодской, Архангельской областей, Республики Карелия. Представлен краткий анализ произведений А. С. Герда, посвященных этнолингвистической истории региона. Приводятся текстуальные примеры описаний информантами важных диалектных реалий, характерных для диалектов с субстратной прибалтийско-финской основой. Лексический материал представлен также в традиционной словарной форме. В словник вошли единицы, которые отмечаются и в словарях литературного языка, если они отражают специфику материальной или духовной культуры региона. Кроме того, автор исходил из того, что мно-

¹ Данная статья является кратким экскурсом в подготовленную работу «Русские говоры Обонежья и Приладожья в контексте этноязыковых контактов: тексты, словарь, атлас». Ряд вопросов ранее был уже проанализирован автором в предыдущих работах: 1) Ареальная дистрибуция лексики сенокосения в русских говорах Обонежья и Приладожья // Псковские говоры и их носители (лингвоэтнографический аспект). Псков, 1995. С. 22–28; 2) Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003; 3) Проблемы диалектного членения и русские говоры Обонежья // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2005. СПб., 2005. С. 39–61; 4) Об особенностях прибалтийско-финского субстрата в Приладожье и Поволховье // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий – 2. СПб.: «Европейский дом», 2009. С. 92–100; 5) Финно-угорский лексический субстрат в Обонежье и Приладожье: лингвогеографический и этимологический анализ // Рябининские чтения – 2019. Материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2019. С. 584–586; 6) Лексические особенности русских говоров Приладожья // Севернорусские говоры. Вып. 20. СПб., 2021. С. 40–62.

гие лексические единицы литературного языка и соответствующие им слова в русских диалектах при общей семантической доминанте зачастую имеют разные смысловые объемы в лексических системах. Большое внимание в словаре уделено ономастическим данным, а для более наглядного выявления системности ряд топонимических единиц представлен в виде частотных определителей. Была проведена работа по лингвогеографическому представлению лексических данных на изучаемой территории, составлены карты, материалы которых дают весьма интересную картину лексического проявления.

Ключевые слова: словарь, диалект, контакты. этнолингвистический, прибалтийско-финский, карельский, вепский

В данной работе представлен ряд результатов, полученных в ходе исследования русских говоров Северо-Запада, сосредоточенных в пределах бывшей Олонецкой губернии и нынешней Ленинградской области².

Проблеме историко-лингвистической основы русских говоров этих территорий посвятил серию статей А. С. Герд. Весьма важными для понимания образования говоров Обонежья и их современных группировок являются следующие статьи: «К истории образования говоров Заонежья», «К истории образования говоров Посвирья» и «К истории диалектных границ вокруг Онежского озера» [Герд 1979; 1984; 1991]. В первой статье на основе анализа лексического материала показываются связи говоров Заонежья с единым новгородско-псковским диалектом, а формирование этих говоров — как результат двух основных процессов: «С одной стороны сильная миграция восточных славян с юга, а с другой — появление постепенно, скорее всего на базе прибалтийско-финского населения и смешанных браков, особого рода билингов, которые, однако, со временем, в силу преобладания элемента восточнославянского уже довольно рано перешли на восточнославянский тип речи» [Герд 1979: 212]. Во второй статье показано микроареальное членение говоров бассейна р. Свирь на северо-западную и юго-восточную часть: «Говоры Посвирья ниже Усланки — Свирьстроля, Яндебы до устья Свири ближе

² Олонецкая губерния на конец XIX века состояла из 7 уездов: Вытегорского, Каргопольского, Лодейнопольского, Олонецкого, Петрозаводского, Повенецкого и Пудожского. Ее упразднили в 1922 году. Территория Каргопольского и восточной части Пудожского уезда отошла к Архангельской губернии, Лодейнопольского и Вытегорского — к Петроградской (Ленинградской), остальная территория отошла к Карельской трудовой коммуне, созданной на территории Олонецкой губернии еще в 1920 году и преобразованной в Карельскую АССР 25 июля 1923 года.

по своему типу к остальным говорам ладого-тихвинской группы, чем к говорам верховьев Свири. Напротив, именно говоры среднего и верхнего Посвирья в Подпорожском р-не содержат наибольшее число лексических соответствий онежским диалектам» [Герд 1984: 176]. Причины членения говоров в р-не Усланка — Яндеба автор связывает с неоднородным прибалтийско-финским субстратом. В статье, посвященной микроареальному членению говоров Обонежья, выделяется 20 микрозон, на основе которых автор выделяет 8 дифференцированных ареалов [Герд 1984: 54–59].

А. С. Герд подчеркивает, что говоры Обонежья сложились «под сильным прибалтийско-финским влиянием, причем в Посвирье, в Прионежье, Заонежье и Обонежье, где климат был мягче, несомненно издавна более высокой была и плотность населения, как прибалтийско-финского, так и новгородского [...] Именно здесь активно шли процессы этнического и языкового смешения, сильно проявляли себя тенденции к билингвизму» [Герд 1984: 178]. Кроме того, особенности говоров Заонежья обусловлены, «во-первых, двумя основными волнами миграций южноруссов в XIII–XIV вв., во-вторых, миграцией выходцев из псковско-гдовских мест уже позднее, по-видимому, в XIV–XVI вв.» [Герд 1969: 227].

В статье «Русские говоры в бассейне реки Оять» А. С. Герд на основании анализа лексических данных установил участие в формировании говоров Заонежья оятских говоров. Кроме того, весьма аргументирована его мысль о том, что русские в Заонежье, Пудожье, Вытегре представляют собой результат скрещивания двух этнолингвистических групп: восточнославянской (новгородской) и прибалтийско-финской (вепсской), постепенно перешедших в течение веков на русскую речь [Герд 1975: 193–194].

Настоящая работа является результатом обследования говоров региона в полевых условиях на протяжении более двадцати лет. В качестве источников привлекались многочисленные краеведческие материалы, небольшие словарики, статьи и т. п., вышедшие из печати в последнее время. Кроме того, были привлечены архивные источники (картотека СРНГ, СРГК и др.), которые ранее не использовались в полной мере. Выбирался также материал из фольклорных источников — преимущественно сборников, в которых сохраняется в том числе и региональная лексика, крайне редко фиксируемая в обыденной речи. Были получены сведения от более чем 200 информантов.

В наших полевых материалах имеются весьма интересные для характеристики лексикона образцы диалектной речи, записанные у информан-

тов. Данные тексты, являясь речевым портретом, отражением идиолекта отдельного носителя, в то же время представляют характерные черты описываемых говоров. Можно привести некоторые примеры описания информантом важных диалектных реалий, характерных для говоров с субстратной прибалтийско-финской основой.

Лёд сел, вода вышла, налёдница, залило лёд, забереги выступают. Забереги это весной, это весной. Чевó-то причúствую, чевó-то там есть, майна, она и не заростáла, не мёрзла, она и зимой не заростёт. Вот у нас было, такой Ваня, ехал с Балбиной в Ёмско, и заехал в эту майну, как она роз., маленько чуть-то, чуть лёдóк ткнóлсэ, и снег. А он в эту майну-ту с лóшадью, с саням заехал, да пьянинькой. Лóшадь плавае в майны, майна порядоиная. Кругóm крутится лóшадь с этэй. Ну што, кто пойдё топёрь доставать Ваню. Ваня, ты што, ошалёл, не пёрвэй год жывёшь. Дак я забýл, я махнул, а она от меня забежала. Ну потом коли-нёколи, к берёгу поближе, подплывáй к берёгу, гонí ей, к берёгу-то прав(ь), итобы к берёгу-то. Ну, там пороскíшеет, ну пороскíшали, погладíли, выехал Ваня, а то. Была и зимой даже не замёрзнувшие, только вот така пёночка случíлась мáленькая, а он сóслепа заехал с пьяных глаз (Яковлева А. В., Волховский р-н, Рыбежно).

Кроме текстов, материал представлен также в традиционной словарной форме. В словник включались единицы, отмечающиеся также и в словарях литературного языка, если они, на наш взгляд, отражают специфику материальной или духовной культуры региона. Кроме того, автор исходил из того положения, что многие лексические единицы литературного языка и соответствующие слова в русских говорах при общей семантической доминанте часто имеют разные семантические объемы и место в лексических системах.

Поскольку материалы были собраны в поисках субстратных данных, то, естественно, в ряде случаев отмечаются адстратные включения из смежных языков, ср., например, *ги* ‘тоже’: *Ёто врут, ещё сейчáс-ги врут, я дак не вёрю никому́*. Подпорож. (Винницы). *Ги* представляет собой постфикс, имеющий значение ‘тоже’; ср. вепс. *-gi: Minagi mänen tetsa* ‘Я тоже пойду в лес’.

Автор пытался зафиксировать и отразить то, что он услышал от информантов, однако в ряде случаев после проверки материалов приходилось от некоторых из них отказываться. При этом часть данных отражает только полученную информацию без всякой корректировки, особенно в тех случаях, когда речь идет о данных топонимии, которые могут показывать фазы освоения неисконных по происхождению данных, например: **Рáвнозеро**

и **Рáднозеро**. Название деревни. Пудож. (Песчаное). Эти данные были зафиксированы у разных информантов в одном населенном пункте.

При наличии широко распространенного слова **тина** ‘картофельная ботва’ первоначально вызывало сомнение слово **щíна** в этом же значении, однако в результате его неоднократных фиксаций в Пудожском районе Карелии достоверность этой единицы была подтверждена, ср.: *Щина у рёны*. Пудож. (Чуяла).

Когда информант не был уверен в правильности сообщаемых сведений, с сомнением сообщал какую-либо лексему, и эти данные не подтверждались, то такая единица в словник не помещалась. Например: **Калíбреник ли канáбреник, не помню** (Бурков Александр Васильевич, 1922 г. р., Каргоп., Тихманьга). Единица **калíбреник** как недостоверная единица в словник не включалась.

Кроме того, поскольку для регионального словаря нет необходимости в обобщении семантических типов, предлагается максимально дробная дифференциация значений с полным отказом от так называемых оттенков значения. Например:

Мáкса, ж. 1. Печень (общее наименование). Подпорож. (Юковичи). *Макса у коров и рыбы есть*. Подпорож. (Курпово). Подпорож. (Косельга, Пидьма, Улино, Усланка, Шеменичи, Яндеба), Прионеж. (Заозерье, Педасельга, Суйсарь), Медвежьегор. (Петры, Сенная Губа, Шильтя), Пудож. (Гакукса, Ранина Гора), Каргоп. (Троица). | *Максá*. Пудож. (Авдеево, Гакукса, Пяльма, Римское, Тубозеро, Ярчево). *Максá рéдко говорят, у нас макóска — пéчень*. Пудож. (Песчаное). Каргоп. (Нокола, Тихманьга).

2. Печень рыбы. *Мáкса у рýбы, у скотíны пéчень*. Прионеж. (Машезеро). *Рáньше назывáли мáксой*. Лодейноп. (Тененичи). Лодейноп. (Кяргино). *Мáкса хорóша, бéленька внутрú*. Тихв. (Новинка). *Мáкса у любóй рýбы есть, жáбры, кишкú*. Кириш. (Клинково). Волх. (Вороново, Рыбежно). *Мáкса у рýбы, у корóвы — пéчень*. Кондоп. (Колгостров). Кондоп. (Гангозеро, Кулмуksа, Лижма, Тулгуба, Улитина Новинка). Медвежьегор. (Великая Нива, Вырозеро, Загубье, Кижы, Космозеро, Ламбасручей, Лонгосы, Палтега, Сенная Губа, Толвуя, Хашезеро, Чёлмужи, Шильтя, Шуньга), Вытегор. (Мегра), Каргоп. (Лёкшмозеро), Плесец. (Федово). | *Максá*. *Максá у рýбы пéчень*. Каргоп. (Тихманьга). ▲ Печень налима. *Налимья пéчень назывáетсэ мáкса, рýба на нёрест с молóкой там*. Кондоп. (Горка). *Мáкса у налима былá*. Тихв. (Пяхта). *Мáкса у налима, с неé пекли пироги*. Лодейноп. (Коковичи). *Мáкса у налима*. Вытегор. (Казаково). Вытегор. (Ошга), Пудож. (Куганаволок). *Мáкса у налима печёнка*. Каргоп. (Нокола). Конош. (Поздеевская). | *Максá*. Пудож. (Пяльма, Чуяла). *Максá — пéчень у налима*. Пудож. (Гольяницы). *Максá у*

минька́. Каргоп. (Лёкшмозеро). | Ма́ксы, *мн.* Лодейноп. ▲ Кушанье из печени рыбы. *Там ма́кса на столе́, поёшь хоть*. Всеволож. (Морье).

3. Печень животного. *Ма́кса у коро́вы*. Подпорож. (Пидьма). *Ма'кса у скоти́ны*. Подпорож. (Вороничи). Подпорож. (Заозерье). *Ма́кса у скоти́ны, пёчень — у ры́бы*. Прионеж. (Ладва), Вытегор. (Казаково, Ошта).

4. Молоки рыбы. *Ма́кса — мо́лока у ры́бы*. Каргоп. (М. Шалка). Каргоп. (Чурьег), Няндом. (Усть-Нименьга). | Ма́кса́. Каргоп. (Тихманьга). *Ма́кса́ бе́лая у самца́, у самки — темновáтая*. Каргоп. (Архангело).

5. Рыбья икра. Каргоп. (Архангело). | Ма́кса́. Каргоп. (Лёкшмозеро).

6. Молозиво. Прионеж. (Педасельга).

Лексические данные по возможности получали подробное семантическое описание с полным показом географической локализации, например:

Ка́гачи, *мн.* Сплетенные ветки, которые помещаются на верхнюю часть кладки сена для защиты от ветра и дождя. Подпорож. (Косельга). *Ка́гачи — из и́вы на за́колье и́ли на стог*. Медвежьегор. (Вырозеро). Медвежьегор. (Загубье, Кижи, Космозеро, Лонгосы, Палтега, Толвуя). *Ка́гачи на за́колье*. Медвежьегор. (Шильтя). *Ка́гачи на зако́лину*. Пудож. (Гакукса). *Кагачи — две сцепленные верхушками ивовые ветви на вершине стога сена*. Пудож. (Нигижма). Пудож. (Ранина Гора, Чуяла, Ярчево), Вытегор. (Казаково, Мерга). *Дава́й ещё па́ру нави́льников и мо́жно ка́гачи ло́жыть*. Вытегор. (Ошта). | Кагачи́. Медвежьегор. (Лонгосы, Сенная Губа). *Кагачи́ из черёмухи*. Медвежьегор. (Петры). Медвежьегор. (Чёлмужи). Пудож. (Авдеево, Нигижма, Песчаное, Пяльма, Тубозеро). *На шóлом (стога) кладывáют кагачи́*. Пудож. (Гольяницы). *Кагачи́ на зако́лину*. Прионеж. (Ладва). Прионеж. (Заозерье, Машезеро, Педасельга).

Один из наиболее полных словарей, описывающих лексику региона, по решению главного редактора СРГК А. С. Герда не включал фольклорную лексику в свой словник, что в ряде случаев оставило за его пределами весьма интересный материал. А. С. Герд констатирует, что «в СРГК не используются фольклорные тексты». Он полагает, что «словарь памятников фольклора должен быть создан отдельно, самостоятельно и независимо от других словарей. В конечном счете, никакой один диалектный словарь не в состоянии исчерпать лексику диалекта» [СРГК 1: 5]. В данной работе было решено продолжить традицию включения данных фольклора в словник, которая была начата нами в книге «Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования» [Мызников 2021]. Наибольшую частотность представили данные, извлеченные из текстов сказок, поскольку именно в сказках наилучшим образом представлена лексика с региональной спецификой.

Причем в ряде случаев такого рода фиксации позволяют прояснить диалектные данные, отмеченные, например, в СРНГ:

Мётник, м. Помет лошади, коровы. *Накладала мётнику вместо мяса* (сказка). Пудож. (Водла) [РНСПК].

При не вполне корректных данных СРНГ: **Метник**, а, м. [удар.?). Домашнее животное [какое?]. Котельн. Вят., Красноперова, 1896 [СРНГ 18: 141].

Большое внимание уделялось ономастическим данным, причем для более очевидного выявления системности ряд топонимических единиц представлен в виде частотных детерминантов, например:

...**губа**. Используется как вторая часть в названиях заливов, угодий, населенных пунктов и мест с ними связанных. | Гáлийгуба. Кондоп. (Лижма). | Йлемгуба. Кондоп. (Чеболакша). | Йлимгуба. Кондоп. (Горка). | Кáтежгуба. Кондоп. (Колгостров, Лижма). | Лéбажгуба. Кондоп. (Кондопога). | Лóхкогуба. *И вот ищѣ я забѣла, покóсы-то бѣли: Лóхкогуба, Лéбажгуба, фсѣ по бѣрегу*. Кондоп. (Кондопога). | Нявгорьгуба. Медвежьегор. (Шуньга). | Нявгубá. Кондоп. (Лижма). | Пйчургуба. *За Кáменной дорóшкой этот мыс и есь, там Пйчургуба, мыс-то Пйчургуба и назывáлсэ*. Кондоп. (Кондопога). | Рóвгуба. Кондоп. (Кондопога). | Рóхгуба. *Тóня вот тут бѣлá, потóm там в Рохгубы*. Кондоп. (Кондопога). | Тунгуба. *По этому крáю фсѣ рúсские, Тúна, Тунгуба, Сýйсарь, это фсѣ Заонѣжье, это фсѣ нáша сторонá фся рúсска*. Кондоп. (Кондопога). | Хéможгуба. *Хéможгуба ближэ сюды. Рóугуба, там тóко ловили, ряпушка хорошó ловилась*. Кондоп. (Кондопога). | Чургубá. Медвежьегор. (Кажма, Паяницы).

...**лахта**. Вторая часть композитов, представленная в названиях заливов, сенокосных лугов, населенных пунктов и мест, с ними связанных. | Кискала́хта. Название сенокосного луга. Пудож. (Пяльма). | Лáмбаслахта. Название залива в Водлозере. Пудож. (Чуяла). | Мátкалахта. Название деревни. Пудож. (Гольяницы, Куганаволок). *В Мátкалахту скот гоняли*. Пудож. (Чуяла). | Мéделахта. Пудож. (Куганаволок). | Óхтамлахта. Пудож. (Гольяницы). | Пáчалахта. Каргоп. (Нокола). | Пйгалахта. Пудож. (Куганаволок). | Рéболахта. Название части деревни в Куганаволоке. Пудож. (Куганаволок, Чуяла). | Шйхлахта. Название залива в Водлозере. | Шуйлахта. Пудож. (Гольяницы, Куганаволок).

Довольно много зафиксировано прозвищ жителей населенных пунктов, которые, в ряде случаев, напрямую связаны с апеллятивной лексикой.

Бубакй, мн. 1. Головастики. Кондоп. (Кулмукса). 2. Прозвище жителей н. п. Гангозеро. *Гангозѣра — бубакй, новичáна — лягушáтники, кулмукушáне — звонари, а горчáне — обúшники*. Кондоп. (Кулмукса).

Мошнякí, *мн.* Прозвище жителей д. Думино. Каргоп (Лёкшмозеро). Ср. **мо́шник** ‘птица глухарь’, имеющая обширные фиксации в регионе.

Мыше́еды, *мн.* Прозвище жителей д. Вама. Пудож. (Чуяла).

Пыхуны́, *мн.* Прозвище жителей д. Гужово. *Гужовцы* — *пыхуны*, *пых-пых себе под нос*. Каргоп (Лёкшмозеро).

В отношении лексической системы русских говоров, бытующих на обследуемой территории, можно сказать, что она сложилась в том числе и в результате прямых этноязыковых контактов с прибалтийско-финскими этносами. Кроме субстратной и заимствованной лексики, функционирующей в русских говорах Северо-Запада, отмечаются также лексические единицы, отличающиеся по своим характеристикам от субстратных. Они имеют следующие особенности: 1) бытование в зоне этноязыковых контактов; 2) нечастотность фиксаций; 3) отсутствие ареала (нередко единственная фиксация у одного информанта); 4) отсутствие базы для существования в русских говорах (эти единицы, не представляя нового денотата, являются полными синонимами к словам исконного происхождения либо к заимствованиям, уже утвердившимся в русском языке). Такие единицы нами трактуются как адстратные проникновения — результат живого влияния смежных языков. Они обычно индивидуализированы и отражают специфику личностного проявления иноязычного влияния в контактной зоне, не представляя диалектные лексические особенности какого-либо диалектного континуума в целом. Адстратное проникновение всегда можно не только связать с каким-либо определенным языковым типом, но и возвести к конкретному языку или диалекту-источнику. Ср., например, лексему **на́довья** ‘сестра мужа, золовка’: *Мать-то мужа — это свекровь, отец — свекор, а сестра — это надовья*. Подпорож. [КСРГК; СРГК 3: 314]. Эту единицу можно возвести к вепс. *nado* ‘сестра мужа, золовка’ [СВЯ: 350], которая имеет соответствия на прибалтийско-финской почве: фин. *nato* ‘сестра мужа’, ливв. *nato, nado* ‘сестра жены, сестра мужа’, люд. *nado* ‘сестра мужа или жены’, водск. *nato*, эст. *nadu* ‘сестра мужа’, при марийск. *нидо* ‘младшая сестра жены, младшая сестра мужа’, камасин. *nado* ‘брат мужа или жены’ [SKES: 368–369].

Кроме того, автором проделана работа по лингвогеографическому представлению лексических данных на исследуемой территории, подготовлены карты, материалы которых дают весьма интересную картину лексической манифестации. Так, например, для названий рук с отрицательной коннотацией отмечается несколько лексем:

Кáбры, мн. Грязные, большие руки. *С кáбрам не лезь*. Волх. (Прус. Горка). Волх. (Блиново). *Кáбры какие*. Волх. (Шахново). Тосн. (Рублёво), Пудож. (Пяльма), Вытегор. (Казаково).

Кóбры, мн. То же, что кабры. Подпорож. (Корба, Косельга, Курпово, Яндеба). *Кóбры — грязные руки*. Прионеж. (Суйсарь). Медвежьегор. (Кижы, Шуньга). *Убері свой кóбры*. Медвежьегор. (Ламбасручей). Пудож. (Ранина Гора). Вытегор. (Мегра, Ошта). ▲ Жилистые руки. Кондоп. (Лижма). *Кóбры — рабóчие руки в узлáх*. Пудож. (Гакукса). ▲ Грязные руки. Медвежьегор. (Сенная Губа, Чёлмужи). *Вьíмой кóбры*. Медвежьегор. (Петры). Пудож. (Ярчево), Прионеж. (Ладва, Машезеро). Вытегор. (Мегра). В Ленинградской области зафиксированы следующие единицы: **кэбляи**, **кэбели**, **кабьяи** (Подпорожский и Лодейнопольский районы), **кáбры** (Волховский и Тосненский районы), **кóбры** (Подпорожский район).

Обследованный регион являлся зоной межъязыковых контактов, здесь представлены ареалы, где отмечается субстратное воздействие, указывающее на доминирующее прибалтийско-финское прошлое региона, причем возможно выделение различных субстратных типов. Следует отметить, что в Приладожье и Обонежье совмещалось субстратное и живое адстратное прибалтийско-финское языковое влияние, которое в настоящее время весьма редко проявляется в речи и с большим трудом выявляется коллектором.

Сокращения языков и диалектов

вепс. — вепсский язык

водск. — водский язык

камасин. — камасинский язык (один из вымерших самодийских языков)

ливв. — ливвиковский диалект карельского языка

люд. — людиковский диалект карельского языка

марийск. — марийский язык

фин. — финский язык

Источники

КСРГК — Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета).

- КСРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров» (хранится в ИЛИ РАН в Санкт-Петербурге).
- НОС — Новгородский областной словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2005.
- ПЛГО — Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).
- РНСПК — Русские народные сказки Пудожского края / сост. А. П. Разумова и Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1982.
- СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. Л., 1972.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. СПб., 1994–2002.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–52. М.; Л., СПб., 1965–2021 [издание продолжается].
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.

Литература

- Герд 1969 — *Герд А. С.* К истории диалектных границ на севере и северо-западе Европейской части СССР // Юбилейная научно-методическая конференция северо-западного зонального объединения кафедр русского языка. Л., 1969. С. 225–228.
- Герд 1975 — *Герд А. С.* Русские говоры в бассейне реки Оять // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 188–194.
- Герд 1975а — *Герд А. С.* По некоторым вопросам славянской исторической диалектологии // Севернорусские говоры. Вып. 2. Л., 1975. С. 187–192.
- Герд 1979 — *Герд А. С.* К истории образования говоров Заонежья // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л., 1979. С. 206–213.
- Герд 1984 — *Герд А. С.* К истории образования говоров Посвирья // Севернорусские говоры. Вып. 4. Л., 1984. С. 174–181.
- Герд 1989 — *Герд А. С.* К истории образования говоров Поволховья и южного Приладожья // Севернорусские говоры. Вып. 5. Л., 1989. С. 146–171.
- Мызников 2021 — *Мызников С. А.* Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования. М.; СПб., 2021.

*Summary**Sergey Myznikov***Some aspects of the study of Russian dialects of Ladoga and Obonezhye**

The article offers an introduction to the study of Russian dialects of Obonezhye and Ladoga regions, presented in the future book “Russian dialects of Obonezhye and Ladoga region in the context of ethno-linguistic contacts: texts, dictionary, atlas” (ready for publication). The work is based on the results of a more than twenty years’ survey of dialects of the region. The geography of the study is concentrated within the former Olonets, Novgorod, Petrograd provinces (nowadays Leningrad, Vologda, Arkhangelsk regions, the Republic of Karelia). The paper presents a brief analysis of A. S. Gerd’s works dedicated to the ethno-linguistic history of the region. Textual examples of informants’ descriptions of important dialectal realities characteristic of dialects with a Baltic-Finnish substratum are given. The material is also presented in the traditional form of a dictionary. The dictionary includes units that are noted in the dictionaries of the literary language, if, in our opinion, they reflect the peculiarities of the material or spiritual culture of the region. In addition, the author proceeded from the premise that many lexical units of the literary language and the corresponding words in Russian dialects, with a common semantic dominant, often have different semantic volumes and places in lexical systems. Much attention in the dictionary is paid to onomastic data, and for a more obvious identification of systemicity, a number of toponymic units is presented in the form of frequency determinants. The lexical data in the area under study found linguogeographical representation, the maps were prepared, giving us a very interesting picture of lexical manifestation.

Keywords: dictionary, dialect, contacts. ethnolinguistic, Baltic-Finnish, Karelian, Vepsian.